

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 222–233.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 1 (86). P. 222–233.

Научная статья
УДК 316.75
doi: 10.54398/1818-510X.2026.88.3.024

**ОТ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ К ДЕПОЛИТИЗАЦИИ:
ТЕХНОКРАТИЗМ XX В. И АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ**

Ухваков Антон Олегович¹, Рукавишников Артём Игоревич²

^{1,2}Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

¹ukhvakov97@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0002-0580-5396>

²artem.ruk@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0704-6316>

Аннотация. Экспансия цифровых платформ и алгоритмических систем актуализирует вопрос о границах применимости инструментальной рациональности в политической сфере. Корректная постановка этого вопроса предполагает реконструкцию интеллектуальной традиции, в рамках которой замещение политических решений техническим расчетом впервые получило статус нормативного идеала. Цель статьи – выявить общий технократический фундамент западной концепции «деидеологизации» («конца идеологии») и советской доктрины «научного управления обществом» (НУО), а также реконструировать концептуальную преемственность между этой парадигмой и современными формами алгоритмического управления (алгократией). Методологическую основу исследования составляет концепция «высокого модернизма» Дж. Скотта, дополненная инструментарием критической теории общества (Г. Маркузе, Ю. Хабермас), концепцией политического Ш. Муффа и историко-социологическими исследованиями советской кибернетики (С. Герович, Б. Питерс). Теоретической базой для анализа алгократии выступают работы Ш. Зубоффа, Н. Срничека, Я. Варуфакиса и Ф. Паскуале. Установлено, что концепция деидеологизации и доктрина НУО представляют собой функционально изоморфные конфигурации высокого модернизма. Они объединены стремлением к тотальной калькулируемости реальности и общей установкой на социальную инженерию, открывающей перспективу деполитизации социального пространства. Кроме того, для обоих проектов характерна редукция практического, ситуативно-адаптивного знания (metis) к формализуемым параметрам управления. Сделан вывод, что в эпоху алгоритмов логика высокого модернизма претерпевает технологическую мутацию: metis коммодифицируется и отчуждается платформами, что ведет к постепенной когнитивной и профессиональной декавалификации субъекта. При этом характерная для технократии асимметрия прозрачности – наблюдаемость управляемых при непрозрачности управляющего аппарата – сохраняется и интенсифицируется. В этих условиях деполитизация публичной сферы усиливается, встраиваясь в саму архитектуру цифровой среды и лишая субъекта пространства для демократической артикуляции политических альтернатив.

Ключевые слова: высокий модернизм, конец идеологии, технократия, ОГАС, научное управление обществом, алгоритмическое управление, инструментальная рациональность, деполитизация, платформенный капитализм

Для цитирования: Ухваков А. О., Рукавишников А. И. От деидеологизации к деполитизации: технократизм XX в. и алгоритмическая власть // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 3 (88). С. 222–233. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.024>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**FROM DEIDEOLOGIZATION TO DEPOLITICIZATION:
20TH CENTURY TECHNOCRATIC THOUGHT AND ALGOCRACY**

Anton O. Ukhvakov¹, Artem I. Rukavishnikov²

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ukhvakov97@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0002-0580-5396>

²artem.ruk@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0704-6316>

© Ухваков А. О., Рукавишников А. И., 2026

Abstract. The spread of digital platforms and algorithmic systems renews the question of the limits of instrumental rationality in politics. Posing it adequately requires reconstructing the tradition in which substituting technical calculation for political decision-making became a normative ideal. The article identifies the common technocratic foundation of the Western «deideologization» (the «end of ideology») and the Soviet «scientific management of society», and reconstructs the conceptual continuity between this paradigm and algorithmic governance (algocracy). Methodologically the study combines Scott's «high modernism» with critical social theory (Marcuse, Habermas), Mouffe's theory of the political, and the historical sociology of Soviet cybernetics (Gerovitch, Peters); the analysis of algocracy draws on Zuboff, Srnicek, Varoufakis, and Pasquale. The two emerge as functionally isomorphic configurations of high modernism, united by a drive toward the exhaustive calculability of reality and a commitment to social engineering that opens onto depoliticization. Both reduce practical, situationally adaptive knowledge (metis) to formalizable parameters of governance. It concludes that in the algorithmic age this logic undergoes a technological mutation: metis is commodified and expropriated by platforms, driving the subject's gradual cognitive and professional deskilling, while technocracy's asymmetry of transparency – the visibility of the governed against the opacity of the governing apparatus – intensifies. Depoliticization becomes embedded in the architecture of the digital environment, depriving the subject of space to articulate political alternatives democratically.

Keywords: High Modernism, End of Ideology, Technocracy, OGAS, Scientific Management of Society, Algorithmic Governance, Instrumental Rationality, Depoliticization, Platform Capitalism

For citation: Ukhvakov A. O., Rukavishnikov A. I. From Deideologization to Depoliticization: 20th Century Technocratic Thought and Algocracy. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 3 (88), pp. 222–233. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.024> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Проблема соотношения инструментальной рациональности и политического управления остается одной из центральных в социальной философии. Сегодня на фоне стремительной экспансии цифровых платформ она приобретает новое измерение: алгоритмические системы все чаще выступают инструментами управления человеческим поведением. Осмысление этого процесса требует исторической перспективы: вопрос о том, в какой мере алгоритмическое управление способно вытеснить политическое целеполагание, невозможно корректно поставить без реконструкции той интеллектуальной традиции, в рамках которой идея замещения политических решений техническим расчетом достигла своего апогея и утвердилась в качестве нормативного идеала.

Несмотря на значительный корпус исследований, западная концепция «конца идеологии» (Д. Белл, Р. Арон, С. М. Липсет, Э. Шилз) и советская доктрина «научного управления обществом» (НУО), сформулированная академиком В. Г. Афанасьевым и рядом советских кибернетиков (А. И. Берг, В. М. Глушков), как правило, рассматриваются изолированно друг от друга. В результате вопрос об их функциональном и эпистемологическом родстве остается нераскрытым. Между тем сама эта исследовательская установка заслоняет более глубокий сдвиг в самосознании XX в. – глобальный технократический поворот, заложивший концептуальные основания управленческой логики платформенного капитализма.

Основная цель исследования – проанализировать западный дискурс «конца идеологии» и советскую концепцию НУО как функционально изоморфные конфигурации «высокого модернизма», которые, опираясь на общую эпистемологическую матрицу, во многом сформировали теоретический фундамент для легитимации алгоритмической власти (алгократии).

Методологической рамкой исследования служит концептуальный аппарат Дж. Скотта, трактующего «высокий модернизм» как идеологию радикальной рационализации, основанную на непоколебимой вере в преобразующую силу научного планирования. Вслед за Скоттом мы выделяем ключевые характеристики этой парадигмы: 1) ориентацию на масштабную социальную инженерию; 2) стремление к абсолютной «административной прозрачности»; 3) последовательное замещение политики экспертно-техническим администрированием; 4) систематическое подавление того, что Скотт определяет как *metis* – практического, локального и неформализуемого знания (ситуативного умения, отчасти схватываемого английским выражением *know-how*) [15]. Критика инструментальной рациональности основывается на теоретических построениях Г. Маркузе и Ю. Хабермаса. Феномен деполитизации анализируется с опорой

на концепцию политического Ш. Муфф. Историко-социологический анализ советской кибернетики базируется на работах С. Геровича и Б. Питерса; категориальный же аппарат Ш. Зубофф, Н. Срничека, Я. Варуфакиса и Ф. Паскуале обеспечивает инструментарий для анализа аллократии.

Основная часть

«Деидеологизация» как технократическая идеология

Вопреки распространенному мнению, тезис Д. Белла об «исчерпании идеологических страстей» вовсе не означал конца идеологии как таковой. Он постулировал крах лишь «тотальных идеологий». В первую очередь это касалось учений, которые сам социолог называл «секулярными религиями» (марксизм, фашизм), стремящихся к радикальному переустройству общества посредством массовой политической мобилизации [22, р. 393].

Интеллектуальный фундамент концепции «конца идеологии» опирался на специфическую рецепцию классической социальной теории. Прежде всего речь идет об идеях М. Вебера и К. Манхейма, которые в оригинале носили характер эпистемологического скептицизма, а в интерпретации теоретиков 1950-х гг. приобрели черты технократического оптимизма. Трагический пафос «битвы богов» (неразрешимого конфликта ценностей) был полностью отброшен, а принцип «свободы от оценки» переосмыслен как нарратив о возможности ценностно-нейтрального знания [5]. Аналогичным образом медиаторная роль «свободно парящей интеллигенции» Манхейма трансформировалась в исключительную претензию экспертного сообщества на осуществление объективного, надпартийного управления обществом [12].

Итогом этой эпистемологической перекодировки стало переосмысление роли и статуса субъекта управления. В работе «Опиум интеллектуалов» (1955 г.) Р. Арон проводил жесткую демаркацию между фанатичными идеологами, живущими мифами, и ответственными экспертами, принимающими решения в условиях неопределенности [1, с. 198, 476]. Этот сдвиг имел фундаментальное значение для понимания онтологии власти: если истина теперь кроется не в священных текстах и не в воле партийных вождей, а в объективных расчетах, то центр принятия решений неизбежно смещается от политиков к носителям специального знания – менеджерам и технократам. Именно фигура эксперта-технократа становится центральной для идеологии высокого модернизма, воплощая мечту о деполитизированном, научном управлении.

На послевоенном Западе эти технократические установки усиливались тем, что беспрецедентный экономический рост и институционализация «государства всеобщего благоденствия» породили иллюзию успешного разрешения фундаментальных противоречий капитализма, описанных еще К. Марксом. Так, в своей программной работе «The End of Ideology» (1960 г.) Д. Белл настаивал на существовании в западном мире «грубого консенсуса» по базовым политическим вопросам [22, р. 402–403]. Схожей позиции придерживался и С. М. Липсет, утверждая, что «коренные политические проблемы промышленной революции уже решены: рабочие добились гражданства в промышленной и политической сферах» [11, с. 476]. Иными словами, западные социологи констатировали кооптацию рабочего класса в структуры массового потребления и буржуазной демократии, что, по их мнению, подразумевало существенную минимизацию его протестного потенциала. На этом основании постулировался переход от антагонистической модели общества к модели функциональной интеграции, для изучения которой даже само понятие «класс» объявлялось «слишком грубым инструментом социологического анализа» [22, р. 66].

В этой логике политическая практика как арена непримиримых идеологических столкновений последовательно элиминировалась, превращаясь в рутинный бюрократический процесс – процедуру поиска наиболее эффективных средств достижения заведомо согласованных целей. Место борьбы альтернативных политических проектов должна была занять «социальная инженерия» – практика постепенных, научно обоснованных улучшений, исключая саму возможность системного антагонизма. Подобная управленческая оптика, утверждающая примат инструментального разума, неизбежно влекла за собой вытеснение *metis* – неформализуемого опыта ситуативной социальной адаптации, на котором держится способность низовых акторов (прежде всего представителей рабочего движения и локальных инициативных групп) самостоятельно организовывать свою среду и разрешать конфликты вне институционализированных процедур. В результате политические вопросы (условия труда, формы представительства работников, распределение муниципальных ресурсов, организация городской среды), прежде решавшиеся в политическом пространстве, переходили в сферу экспертного управления (что Э. Шилз описывает как последовательное поглощение спонтанной «периферии» рационализированным «центром» [34]).

Подобная установка с момента своего появления стала объектом обстоятельной критики. Ее уязвимость усматривали прежде всего в латентной натурализации западной либеральной модели, которая, с этой точки зрения, неправомерно возводилась в ранг универсальной «постидеологической» нормы. Ч. Р. Миллс одним из первых указал на то, что концепция «конца идеологии»

маскирует реальные конфликты западного общества и работает на нейтрализацию антикапиталистических идей и легитимацию status quo [29]. Скепсис усиливался и тем, что продвижение идеи «конца идеологии» осуществлялось при содействии Конгресса за свободу культуры – организации с известной антикоммунистической повесткой [16, с. 5–9]. И хотя политическая инструментализация концепции признается в современной историографии [36, р. 75–80], сводить ее к пропагандистскому конструкту было бы упрощением. Построения Д. Белла, Р. Арона и С. М. Липсета представляли собой добросовестную, хотя в конечном счете ошибочную попытку академического сообщества осмыслить структурные сдвиги послевоенного общества. Концепция стала ярким симптомом своего времени, в котором воплотилась утопическая вера во всемогущество научных методов управления, заслонив собой сложность социальных процессов.

Теоретики «конца идеологии» не учли ряд обстоятельств, делающих их выводы, по меньшей мере преждевременными. В частности, они проигнорировали набравшее силу в 1950-е гг. движение за гражданские права чернокожего населения США [37]. Последовавший взрыв расовых протестов вскрыл иллюзорность провозглашенного консенсуса, обнажив глубинные социальные противоречия, эхо которых не смолкает и сегодня.

Одновременно с этим «глобальный 1968 г.» стал эпистемологическим бунтом против логики инструментальной рациональности. Критика Г. Маркузе попала в нерв эпохи: она показала, что современный «администрируемый мир» и «общество изобилия» предлагают комфорт ценою отказа от критического мышления, свободы и политической субъектности [13]. Удовлетворение материальных потребностей (на чём во многом строился аргумент «конца идеологии») не устраняло отчуждение, а, напротив, превращая человека в придаток производственного аппарата, интенсифицировало его [13, с. 38–44, 52–54]. В результате социальный конфликт усложнился: экономическое недовольство переплелось с политизацией самой техносферы, обнажив репрессивный характер «нейтрального» экспертного управления.

Нефтяной шок и последующий переход мировой экономики к режиму «гибкого накопления» разрушили веру в линейный рост и институциональную стабильность [20, с. 244–257]. Технократические иллюзии выглядели убедительно лишь в условиях непрерывного увеличения «общего пирога», позволявшего избегать игры с нулевой суммой. Замедление экономического роста немедленно обострило вопрос о распределении и вернуло в повестку дня бескомпромиссный политический конфликт, который Д. Белл поспешил объявить исчерпанным.

Показательно, что в Советском Союзе, несмотря на жесткую критику концепции «деидеологизации», параллельно формировался дискурс, демонстрирующий с ней ряд композиционных пересечений.

Научное управление обществом: от «киберяз» к «киберновязу»

Период «оттепели» и последующие реформы 1960-х гг. породили острую необходимость в рационализации механизмов управления. Критика сталинского «культа личности» и хрущевского «волюнтаризма» сформировала запрос на поиск объективных, свободных от произвола критериев принятия решений. При этом советский технократический поворот не был лишь рецепцией западных веяний; он опирался на внутреннюю марксистскую логику, нацеленную на преодоление стихийности рынка. Знаменитая формула Ф. Энгельса: «на место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами» [21, с. 265], а также опыты социальной инженерии 1920-х гг. (НОТ) и тектология А. А. Богданова задавали онтологическую матрицу, в которой политика мыслилась как рудимент, подлежащий отмиранию по мере рационализации системы [4; 6].

К середине века в СССР сложился специфический тип советского управленца – инженера-организатора, воспринимавшего общество как гигантскую фабрику. Однако сталинская модель управления этой «фабрикой» была механистической и иерархичной. В послевоенные годы она столкнулась с «барьером сложности»: экспоненциальное усложнение народного хозяйства требовало принципиально новых подходов к обработке информации и принятию управленческих решений. Традиционные методы планирования, опирающиеся на разросшийся бюрократический аппарат и бумажный документооборот, исчерпали свой ресурс.

Спасением должна была стать кибернетика. Преодолев путь от «реакционной лженауки», «пустоцвета» и «орудия империализма» до «науки наук», она стала новой государственной панацеей. Академик А. И. Берг, возглавивший в 1959 г. Научный совет по кибернетике, выдвинул тезис, ставший аксиомой для советских технократов: кибернетика – это универсальная «наука об управлении», применимая ко всем динамическим системам, будь то живой организм, завод или общество [25, р. 254].

Не оспаривая телеологию коммунизма, кибернетика радикально переопределяла онтологию настоящего: место административного произвола должны были занять научные законы управления. Так возник феномен, который С. Герович определил как «киберяз» (cyberspeak), –

универсальный язык-посредник, создавший «обменную зону», в которой ученые могли взаимодействовать, минуя идеологические барьеры [25, р. 202]. Такие термины, как «оптимальность», «обратная связь» и «энтропия», превратились в инструменты деполитизации: критиковать партийные решения было нельзя, но указывать на «низкую пропускную способность каналов управления» или «информационный шум» в бюрократическом аппарате стало допустимым.

Эта эмансипативная функция киберязыка оказалась, однако, недолговечной. Как отмечает А. Г. Костерев, советская технократия оставалась глубоко вторичной по отношению к идеократии [10]. Вместо того чтобы подчинить принятие политических решений математической логике оптимизации, номенклатура осуществила перехват нового дискурса. Говоря словами Геровича, к началу 1970-х гг. киберязык стал сростаться с «киберновоязом» (CyberNewspeak) – гибридом, в котором кибернетическая терминология обслуживала консервацию существующих властных структур и партийного канона [25, р. 9].

Теоретическую легитимацию этой кооптации обеспечила концепция НУО, разработанная академиком В. Г. Афанасьевым [2]. В своих работах он фактически предлагал перекодировать диалектический материализм на язык общей теории систем. В этой схеме социальная эволюция мыслилась как глобальное «антиэнтропийное движение... от дезорганизации к организации» [3, с. 340]. Афанасьев постулировал, что «только в условиях социализма и необходим, и возможен системный подход к рационализации управления» [3, с. 367]. Управление должно было стать строгой наукой, опирающейся на кибернетику и каноны марксизма-ленинизма.

В этой схеме руководящая роль партии не просто сохранялась, но и переосмыслилась как необходимая функция «верховного системного оператора». Кибернетика, вошедшая в советский дискурс как обходной язык критики бюрократии, тем самым перехватывалась – становясь языком ее научной легитимации. При неизменной монополии КПСС НУО оставалось проектом языковой, а не структурной модернизации: кибернетический словарь позволил номенклатуре заговорить на современном диалекте, не меняя при этом сути властных отношений.

Если концепция Афанасьева обеспечила идеологический фасад научного управления, то его материально-технологической базой должен был стать проект Общегосударственной автоматизированной системы (ОГАС) В. М. Глушкова.

Парадокс ОГАС: прозрачность против системы

С самого начала ОГАС проектировалась как тотальная система макроэкономического регулирования – своего рода «нервная система» всей плановой экономики СССР. В своих теоретических построениях В. М. Глушков стремился перевести политэкономию на язык интегральных уравнений: предполагалось создание единой сети из десятков тысяч предприятий, способной в режиме реального времени рассчитывать оптимальный баланс производства и потребления, заменяя идеологизированные механизмы принятия решений объективным алгоритмическим управлением. С развитием этой технологии В. М. Глушков связывал и более радикальную социально-экономическую перспективу, допуская переход к состоянию, при котором традиционные товарно-денежные отношения заменялись бы прямым распределением на основе систем электронного учета [7; 8].

Воспользовавшись метафорой М. Вебера, можно сказать, что «железная клетка» бюрократии должна была превратиться в безупречную «кремниевую сеть». Доведенная до технологического абсолюта рациональность машины гарантировала бы объективность решений, превращая политическую дискуссию о распределении в избыточную процедуру: кибернетики фактически претендовали на роль новых, деполитизированных арбитров.

Однако ОГАС не была реализована. Отказ в финансировании и итоговое свертывание проекта стали результатом наложения двух факторов: объективных технологических ограничений (колоссальной системной сложности и нехватки вычислительных мощностей) [14, с. 39] и институциональных ограничений. Б. Питерс убедительно показывает, что вопреки стереотипному представлению о советской системе как о жесткой вертикальной иерархии (которую теоретически легко автоматизировать), советская административная структура после XX съезда представляла собой «гетерархию» – запутанную сеть конкурирующих ведомств, министерств и комитетов без единого центра принятия решений [33, р. 72]. В этой системе Министерство финансов, ЦСУ и Госплан действовали не как шестеренки единого механизма, а как феодальные княжества, ведущие перманентную борьбу за аппаратное влияние.

Этот процесс, метко названный Питерсом «министерским мятежом», не сводился исключительно к ведомственному эгоизму. Его логику диктовала сама природа дефицитной экономики. Поскольку объемы выделяемых ресурсов прямо зависели от данных, поступающих в центр, сохранение информационного суверенитета над своей «вотчиной» было для каждого министерства не привилегией, а условием институционального выживания. Административная непрозрачность выступала не организационной дисфункцией, а несущей конструкцией всей системы.

Советская экономика фактически функционировала за счет разветвленной системы неформальных практик – того самого *metis*, который воплощался в практиках бартерного обмена, деятельности «толкачей» и использовании личных связей («блата»), которые были способны хотя бы в какой-то мере ситуативно компенсировать постоянные сбои и разрывы в плановых цепочках. Теневая зона решала те логистические задачи, с которыми не справлялся Госплан.

С позиций этого подхода сопротивление ОГАС перестает быть простым саботажем номенклатуры. Проект, предполагавший фиксацию реальных ресурсных потоков, угрожал не просто выявить несоответствия между плановыми показателями и действительностью, но и разрушить хрупкий внутрисистемный баланс советской экономики. Можно предположить, что номенклатура отстаивала свое «право на непрозрачность» не только ради сокрытия собственных привилегий, но и потому, что интуитивно понимала: ОГАС обнаружит неработоспособность плановой модели в ее существующем виде.

Историческая ирония, подмеченная Питерсом, заключается в парадоксальной инверсии: создание глобальной компьютерной сети удалось в «рыночных» США благодаря тому, что государство и армия действовали в логике кооперативного социализма (концентрация ресурсов, принуждение к сотрудничеству ученых и военных). В то же время в социалистическом СССР проект ОГАС провалился, потому что советские институты вели себя как нерегулируемые рыночные капиталисты, находясь в состоянии жесткой конкуренции и отказываясь от кооперации [33, p. 2].

Политика как дисфункция

Западный дискурс «конца идеологии» и советский проект НУО представляют собой две исторические конфигурации технократического мышления. В обоих случаях происходило то, что Ш. Муфф определяет как «элиминацию политического» [30, p. 33–34]. Социальный конфликт понимался не как имманентное свойство общества, а как техническая дисфункция – порожденный обстоятельствами системный сбой, устранимый посредством компетентного управления. Фундаментальный вопрос о целях (куда мы идем?) выводился за скобки, уступая место инструментальному спору о средствах (как быстрее дойти?). Различались лишь методы достижения желаемого мира: для западных теоретиков напряжение должно было исчезнуть благодаря росту благосостояния и институционализации государства всеобщего благоденствия; для советских кибернетиков конфликты представляли проявлением энтропии, которую необходимо погасить управляющим сигналом ОГАС.

В обоих случаях происходит подмена праксиса (*praxis*) техне (*techne*). Если политика есть сфера столкновения интересов и выработки компромиссов, то социальная инженерия сводит ее к поиску оптимальных средств поддержания уже заданного системного баланса. Технократы воспринимают общественное пространство не как агору, а как «материал», подлежащий формовке. В этой логике историческая динамика искусственно замораживается: предполагается, что как только найден «правильный» чертеж (будь то «ценностный консенсус» на Западе или «развитой социализм» в СССР), общество переходит в режим перманентного экспертного управления и перестает нуждаться в политике. В результате вопрос политического целеполагания полностью выводится из поля общественного обсуждения, лишаясь демократической легитимности.

Следствием этой редукции становится систематическое подавление *metis*. Высокий модернизм испытывает глубокую эпистемологическую враждебность к локальным практикам выживания и адаптации, не поддающимся калькуляции. Если западные теоретики стремились заменить искусство политического компромисса административными регламентами, то архитекторы НУО – ликвидировать теневые, но необходимые в условиях дефицита механизмы низовой экономической координации. В обоих случаях абстрактная управленческая модель отрывалась от действительности именно там, где этой действительностью пренебречь было невозможно.

Специфика высокого модернизма состоит в том, что эта идеология не просто конструирует иллюзию универсального «взгляда из ниоткуда», но и на этом основании постулирует свою монополию на реализацию проектов социального переустройства. Опираясь на авторитет науки, технократы ставят знак равенства между инструментальной рациональностью и всеобщим благом. Изымая политическое целеполагание из пространства демократического обсуждения, они маргинализируют всякую альтернативу: несогласный с курсом автоматически превращается из равноправного участника политического спора в «некомпетентного дилетанта» или «реакционера, идущего против объективных законов истории».

Именно здесь проявляется ключевая асимметрия высокого модернизма: стремление к тотальной прозрачности объекта управления соседствует с абсолютной непрозрачностью субъекта управления. И западная, и советская модели стремились сделать общество максимально пронизываемым для взгляда администратора, превращая сами механизмы принятия решений в то, что Ф. Паскуале называет «черным ящиком» [32, p. 3]. Эта метафора, которую Паскуале использует

для описания современного цифрового общества, отражает логику технократии как таковой. Показательно, что при абсолютной наблюдаемости «входов» (статистика, отчетность, запросы) и «выходов» (директивы, нормы, распределение) абсолютно непрозрачным остается сам механизм конвертации знания во власть: кто и по каким правилам связывает полученные данные с принимаемым решением, какие ценности встроены в критерии оптимальности, кому выгодны выбранные метрики, где проходит граница допустимого риска или допустимого ущерба.

В оптике «конца идеологии» непроницаемость черного ящика обеспечивалась институциональной закрытостью экспертного сообщества: политика трактовалась как «капитанская рубка», куда вход обывателю закрыт ради его же блага. В советском проекте НУО тот же эффект достигался через онтологизацию «научности»: если управление есть строгая наука, опирающаяся на законы истории, то общественное обсуждение политических проблем становится столь же абсурдным, как и голосование по поводу законов термодинамики. В обоих случаях спор, потенциально опасный для системы, искусственно переводился из области открытого демократического обсуждения в область закрытого технического администрирования.

Именно это и делает сравнение двух доктрин показательным: обе стороны холодной войны апеллировали к науке, объективности и общественному благу, маскируя за этим фасадом вполне конкретные властные интересы. Эту логику еще в 1960-е гг. раскрыл Ю. Хабермас: в позднем капитализме наука и техника все чаще функционируют как идеология нового типа, деполитизирующая публичную сферу и подменяющая вопросы этического выбора процедурами целерационального действия [18]. Иными словами, технократы признают легитимными лишь те решения, которые продиктованы технической необходимостью. Между тем демократия требует прозрачности процедур, поскольку легитимность решения зависит не только от его эффективности, но и от того, каким образом оно было выработано. Технократия же требует слепого доверия к «компетентности результата», подменяя вопрос о социальной справедливости вопросом об оптимальности. Систематически делегируя моральную ответственность эксперту, ведомству или машине, общество утрачивает «политическую мускулатуру» – навык коллективного обсуждения сложных этических дилемм. На фоне стремительного развития искусственного интеллекта и экспансии цифровых платформ эта проблема выходит за рамки исторической ретроспективы и приобретает особую актуальность.

Цифровые платформы как субъекты социальной инженерии

Если во второй половине прошлого столетия проекты тотального рационального администрирования оставались прерогативой государства, то неолиберальный транзит 1970–1980-х гг. создал условия для возникновения нового субъекта социальной инженерии. Неолиберализм породил запрос на тотальную калькуляцию всех форм социального взаимодействия. Платформы не возникли в вакууме; они стали ответом на рыночную потребность в повышении рентабельности, минимизации политических издержек и управлении рисками. Как отмечает Н. Срничек, генезис платформенной модели обусловлен попыткой капитала преодолеть «долгий спад», начавшийся в 1970-х гг.: в условиях затяжного падения прибыльности в промышленном секторе данные становятся новым сырьем, позволяющим оптимизировать производственные процессы и присваивать платформенную ренту – доход, извлекаемый из самой инфраструктурной позиции посредника [17, с. 58–59].

Эта рентная логика углубляется до структурной трансформации капитала как такового. За видимостью технической нейтральности платформ скрывается последовательная логика накопления облачного капитала – особой формы капитала, материализованной в серверной инфраструктуре, программном обеспечении, массивах данных и алгоритмических системах, которая, согласно Я. Варуфакису, функционирует как произведенное средство алгоритмической модификации поведения [38, р. 176]. Если у Срничека акцент смещен на экстракцию ренты в рамках сохраняющихся рыночных отношений, то Варуфакис фиксирует более радикальный сдвиг: трансформацию цифровых платформ в закрытые «облачные феодалы», которые не только демонстрируют рынок, но и изолируют субъектов, замыкая транзакции внутри самих себя.

В этой системе высокий модернизм впервые получает технологические средства, адекватные своим амбициям: платформы превращаются в гигантские машины планирования, которые стремятся преодолеть проблему «рассеянного знания», поставленную еще Ф. Хайеком [19]. Если в XX в. высокий модернизм спотыкался о дефицит данных, то алгократия успешно решает эту проблему посредством тотальной экспроприации пользовательских данных, того, что Ш. Зубофф определяет как «поведенческий излишек» [9, с. 110–111]. Эти данные не просто бесконтрольно извлекаются платформой, но и благодаря колоссальным вычислительным способностям машинного интеллекта обрабатываются, анализируются и становятся важнейшим товаром на новых «рынках поведенческих фьючерсов» [9, с. 134]. На основании собранных данных платформы не просто предсказывают поведение человека, но и активно модифицируют его с помощью скрытых архитектур выбора и поведенческих подталкиваний. Зубофф подробно разбирает

множество подобных кейсов, в частности популярное несколько лет назад приложение «Pokemon Go», которое превратило городское пространство в лабораторию управления потоками людей: алгоритмы направляли («подталкивали») ничего не подозревающих игроков в заведения коммерческих партнеров (рестораны, бары, магазины), гарантируя им реальную посещаемость [9, с. 405]. Параллельно пользователи создали подробную карту местности и предоставили корпорациям бесплатное сырье для машинного обучения.

В этом смысле платформенный капитализм не только осуществляет тотальную экстракцию нашего опыта, но и доводит до технологического совершенства ключевую телос высокого модернизма – достижение абсолютной прозрачности общества. При этом характерная для технократии асимметрия прозрачности здесь гипертрофируется: тотальная проницаемость повседневной жизни пользователей сопровождается абсолютной непрозрачностью самих алгоритмов, защищенных коммерческой тайной и технической сложностью.

В XX в. высокий модернизм стремился подавить *metis* из-за невозможности его строгой калькуляции, но платформенный капитализм научился его коммодифицировать. Сегодня этот процесс приобретает тотальный характер, охватывая континуум от пространственной навигации до интеллектуального производства. Если раньше профессиональный таксист опирался на целостное знание ментальной карты города, используя личный опыт для ситуативной адаптации к обстановке, то сегодня этот навык оказывается избыточным. Любые действия водителя – от выбора маршрута до оценки плотности трафика – непрерывно анализируются и в случае успеха инкорпорируются системой как оптимальный паттерн. В этой схеме *metis* отчуждается, становясь активом платформы, а в результате регулярного делегирования решений алгоритмическим системам человек подвергается ползучей профессиональной и когнитивной деквалификации. Этот процесс знаменует собой новую волну пролетаризации, при которой практическое мастерство экстерииоризируется в алгоритм, низводя человека до роли механического исполнителя внешних предписаний [35, р. 37–39].

Девальвация *metis* приводит к тому, что для системы стирается граница между экспертом и профаном. Более того, сама специфика экспертного знания – способность принимать решения в условиях неопределенности – аннулируется преэмптивной логикой платформы, стремящейся заменить любой субъективизм автоматической регуляцией. Монополизируя функции оценки ситуации и адаптации, платформы не только формируют глубокую инфраструктурную и эпистемологическую зависимость, но и минимизируют возможность автономного действия вне заданных системой координат.

Легитимация этой системы опирается, с одной стороны, на распространенную иллюзию безальтернативности бесконтрольного сбора пользовательских данных, а с другой – на постепенный перенос доверия с «субъективного» человека на «объективный» алгоритм [23; 28]. Параллельно алгоритмический подбор информации фрагментирует публичное пространство, замыкая пользователей в информационных пузырях [31]. По мере развития предиктивных алгоритмов гомогенизация внутри этих пузырей усиливается: персонализация закрепляет паттерны привычной адаптации и снижает вероятность встречи с альтернативными позициями [26]. Тем самым деполитизация приобретает структурный характер, поскольку механизмы нейтрализации политического конфликта оказываются имплицитно встроенными в саму архитектуру цифровой среды. Распад общего смыслового поля последовательно сужает пространство для открытой политической дискуссии [27], и цифровое пространство утрачивает свой эмансипаторный потенциал. Как отмечает Дж. Дин, демократия в сети оборачивается непрерывной циркуляцией данных, при которой политическое высказывание утрачивает свою коммуникативную функцию и больше не предполагает ответной реакции [24, р. 58]. В результате платформы не только коммодифицируют *metis*, но и кооптируют любой политический импульс, превращая саму попытку сопротивления в очередной «вклад» в сетевой поток и источник извлечения поведенческой ренты.

Выводы

Проведенный анализ позволяет выявить общую эпистемологическую матрицу технократических проектов середины XX в. И западная концепция «конца идеологии», и советская доктрина «научного управления обществом» представляли собой функционально изоморфные воплощения высокого модернизма. В их основе лежала установка на возможность исчерпывающей калькуляции социальной реальности – иллюзия, закономерно ведущая к сведению политических вопросов к техническим задачам и их переводу в регистр экспертного управления. Критическая реконструкция этой технократической логики вскрывает не периферийный сюжет интеллектуальной истории, а конститутивный для современности механизм деполитизации.

Крах обоих проектов обнажил пределы инструментальной рациональности и показал, что элиминация политического и систематическое подавление *metis* неизбежно ведут к административной дисфункции. Из этого, однако, не следует, что управление, основанное на научной

экспертизе, невозможно в принципе. Напротив, именно анализ ошибок технократических проектов прошлого позволяет поставить вопрос о границах применения научной экспертизы в политике. Задача научного управления, как представляется, состоит не в замене политического целеполагания техническим расчетом, а в расширении горизонта самого политического выбора: в выявлении параметров, невидимых для участников конфликта, в оценке рисков предлагаемых программ и в анализе последствий, которыми пренебрегает произвольно упрощенная модель. Экспертиза в этом смысле не выносит политический приговор, а делает политический выбор осознанным. Высокий модернизм систематически переступал границу между подлинной наукой, стремящейся к поиску достоверного знания, и потому открытой для обоснованного пересмотра собственных выводов, и ее суррогатом, использующим авторитет научного знания для легитимации политических программ. Именно поэтому «научное управление» в обоих рассмотренных проектах функционировало преимущественно как идеологический конструкт, обеспечивающий изъятие стратегических решений из-под демократического контроля.

Однако риски подобной инструментализации научного знания сохраняются и в XXI в. Более того, логика высокого модернизма претерпевает глубокую технологическую мутацию, воплощаясь в инструментах алгоритмического управления. Цифровые платформы обретают технический инструментарий, соответствующий технократической установке на абсолютную прозрачность, прежде всего благодаря способности присваивать и коммодифицировать *metis*. При этом для деполитизации публичной сферы больше не требуется общественный консенсус: она встраивается в саму архитектуру цифровой среды, разводящей пользователей по изолированным информационным пространствам.

В этих условиях перспективным направлением дальнейших исследований представляется вопрос о роли государства: предстоит определить, способно ли оно ограничить платформенную монополию, или же логика капиталистического накопления закономерно ведет к институциональному симбиозу государства и платформ? Особого внимания требует нарастающая интеграция облачного капитала в государственные структуры надзора, создающая риски реализации – на новом технологическом витке – утопии высокого модернизма об абсолютно прозрачном, калькулируемом и всецело деполитизированном обществе.

Список источников

1. Арон, Р. Опиум интеллектуалов / Р. Арон ; пер. с фр. Д. Боровикова. – Москва : АСТ, 2015. – 480 с.
2. Афанасьев, В. Г. Научное управление обществом: (Опыт системного исследования) / В. Г. Афанасьев. – Москва : Политиздат, 1968. – 384 с.
3. Афанасьев, В. Г. Общество: системность, познание и управление / В. Г. Афанасьев. – Москва : Политиздат, 1981. – 432 с.
4. Богданов, А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука) : в 2-х кн. / А. А. Богданов. – Москва : Экономика, 1989. – Кн. 1. – 304 с.
5. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайдено. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с.
6. Гастев, А. К. Как надо работать. Практическое введение в научную организацию труда / А. К. Гастев. – Москва : Экономика, 1972. – 478 с.
7. Глушков, В. М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС / В. М. Глушков. – Москва : Статистика, 1975. – 160 с.
8. Глушков, В. М. Основы безбумажной информатики / В. М. Глушков. – Москва : Наука, 1982. – 552 с.
9. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф ; пер. с англ. А. Ф. Васильева ; под ред. А. Смирнова. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.
10. Костерев, А. Г. Феномен советского технократизма: к постановке проблемы (политико-идеологическое и социально-культурное измерения) / А. Г. Костерев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 58. – С. 41–47. – doi: 10.17223/19988613/58/5.
11. Липсет, С. М. Политический человек: социальные основания политики / С. М. Липсет ; пер. с англ. Е. Г. Генделя. – Москва : Мысль, 2015. – 612 с.
12. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени. – Москва : Юрист, 1994. – С. 7–276.
13. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – Москва : REFL-book, 1994. – 368 с.
14. Назаров, А. А. Опыт разработки общегосударственной автоматизированной системы учёта и обработки информации и проблемы её внедрения в народное хозяйство СССР / А. А. Назаров // *Oeconomia et Jus*. – 2023. – № 2. – С. 34–42. – doi: 10.47026/2499-9636-2023-2-34-42.

15. Скотт, Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Дж. Скотт ; пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. – Москва : Университетская книга, 2005. – 576 с.
16. Сондерс, Ф. С. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны : пер. с англ. / Ф. С. Сондерс – Москва : Кучково поле, 2014. – 416 с.
17. Срничек, Н. Капитализм платформ / Н. Срничек ; пер. с англ. М. Добряковой. – Москва : Высшая школа экономики, 2019. – 128 с.
18. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас. – Москва : Практикс, 2007. – 208 с.
19. Хайек, Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. А. Хайек. – Москва : Новости, 1992. – 304 с.
20. Харви, Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений / Д. Харви. – Москва : Высшая школа экономики, 2021. – 344 с.
21. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг : переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом / Ф. Энгельс. – Москва : Госполитиздат, 1950. – 376 с.
22. Bell, D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties / D. Bell. – Glencoe, Ill. : Free Press, 1988. – 501 p.
23. Claudy, M. C. Artificial Intelligence Can't Be Charmed: The Effects of Impartiality on Laypeople's Algorithmic Preferences / M. C. Claudy, K. Aquino, M. Graso // *Frontiers in Psychology*. – 2022. – Vol. 13. – Art. 898027. – doi: 10.3389/fpsyg.2022.898027.
24. Dean, J. Communicative Capitalism: Circulation and the Foreclosure of Politics / J. Dean // *Cultural Politics*. – 2005. – Vol. 1, № 1. – P. 51–74. – doi: 10.2752/174321905778054845.
25. Gerovitch, S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics / S. Gerovitch. – Cambridge, MA : MIT Press, 2002. – 369 p.
26. Kaluža, J. Habitual Generation of Filter Bubbles: Why is Algorithmic Personalisation Problematic for the Democratic Public Sphere? / J. Kaluža // *Javnost – The Public*. – 2022. – Vol. 29, № 3. – P. 267–283. – doi: 10.1080/13183222.2021.2003052.
27. Lorenz-Spreen, P. A systematic review of worldwide causal and correlational evidence on digital media and democracy / P. Lorenz-Spreen, L. Oswald, S. Lewandowsky, R. Hertwig // *Nature Human Behaviour*. – 2023. – Vol. 7, № 1. – P. 74–101. – doi: 10.1038/s41562-022-01460-1.
28. Lu, L. How AI Sources Can Increase Openness to Opposing Views / L. Lu, Z. L. Tormala, A. Duhachek // *Scientific Reports*. – 2025. – Vol. 15. – Art. 17170. – doi: 10.1038/s41598-025-00791-z.
29. Mills, C. W. Letter to the New Left / C. W. Mills // *New Left Review*. – 1960. – № 5. – URL: <https://www.marxists.org/subject/humanism/mills-c-wright/letter-new-left.htm> (дата обращения: 05.01.2026).
30. Mouffe, Ch. The Democratic Paradox / Ch. Mouffe. – London ; New York : Verso, 2000. – 154 p.
31. Pariser, E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You / E. Pariser. – New York : Penguin Press, 2011. – 294 p.
32. Pasquale, F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information / F. Pasquale. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2015. – 311 p.
33. Peters, B. How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet / B. Peters. – Cambridge, MA : MIT Press, 2016. – 312 p.
34. Shils, E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology / E. Shils. – Chicago : University of Chicago Press, 1975. – 516 p.
35. Stiegler, B. For a New Critique of Political Economy / B. Stiegler ; trans. by D. Ross. – Cambridge : Polity Press, 2010. – 158 p.
36. Strand, D. No alternatives: The end of ideology in the 1950s and the post-political world of the 1990s : Dis. ... Doctor of Philosophy in History of Ideas / D. Strand. – Stockholm : Stockholm University, 2016. – 323 p.
37. Summers, J. H. Daniel Bell and The End of Ideology / J. H. Summers // *Dissent*. – 2011. – Vol. 58, № 2. – P. 80–85.
38. Varoufakis, Y. Technofeudalism: What Killed Capitalism / Y. Varoufakis. – London : Bodley Head, 2023. – 304 p.

References

1. Aron, R. *Opium intelektualov* [The Opium of the Intellectuals]. Moscow: AST; 2015, 480 p.
2. Afanas'ev, V. G. *Nauchnoe upravlenie obshchestvom: (Opyt sistemnogo issledovaniya)* [Scientific Management of Society: (An Experience of Systemic Research)]. Moscow: Politizdat; 1968, 384 p.

3. Afanasev, V. G. *Obshchestvo: sistemnost, poznanie i upravlenie* [Society: Systemic Character, Cognition and Management]. Moscow: Politizdat; 1981, 432 p.
4. Bogdanov, A. A. *Tektologiya: (Vseobshchaya organizatsionnaya nauka): v dvukh knigakh* [Tectology: (Universal Organizational Science): in 2 books]. Moscow: Ekonomika; 1989, book 1, 304 p.
5. Veber, M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress; 1990, 808 p.
6. Gastev, A. K. *Kak nado rabotat. Prakticheskoe vvedenie v nauchnyu organizatsiyu truda* [How to Work: A Practical Introduction to the Scientific Organization of Labor]. Moscow: Ekonomika; 1972, 478 p.
7. Glushkov, V. M. *Makroekonomicheskie modeli i printsipy postroeniya OGAS* [Macroeconomic Models and Principles of Building OGAS]. Moscow: Statistika; 1975, 160 p.
8. Glushkov, V. M. *Osnovy bezbumazhnoy informatiki* [Fundamentals of Paperless Informatics]. Moscow: Nauka; 1982, 552 p.
9. Zuboff, Sh. *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power]. Moscow: Gaidar Institute; 2022, 784 p.
10. Kosterev, A. G. Fenomen sovetskogo tekhnokratizma: k postanovke problemy (politiko-ideologicheskoe i sotsial'no-kul'turnoe izmereniya) [The Phenomenon of Soviet Technocratism: Posing the Problem (Political-Ideological and Socio-Cultural Dimensions)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History]. 2019, no. 58, pp. 41–47. doi: 10.17223/19988613/58/5.
11. Lipset, S. M. *Politicheskij chelovek: sotsialnye osnovaniya politiki* [Political Man: The Social Bases of Politics]. Moscow: Mysl; 2015, 612 p.
12. Mankhejm, K. Ideologiya i utopiya [Ideology and Utopia]. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow, Yurist, 1994, pp. 7–276.
13. Markuze, G. *Odnomernyy chelovek* [One-Dimensional Man]. Moscow: REFL-book; 1994, 368 p.
14. Nazarov, A. A. Opyt razrabotki obshchegosudarstvennoy avtomatizirovannoy sistemy ucheta i obrabotki informatsii i problemy ee vnedreniya v narodnoe khozyaystvo SSSR [The Experience of Developing the All-State Automated System for Accounting and Information Processing and the Problems of Its Implementation in the National Economy of the USSR]. *Oeconomia et Jus*. 2023, no. 2, pp. 34–42, doi: 10.47026/2499-9636-2023-2-34-42.
15. Skott, Dzh. *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. Moscow: Universitetskaya kniga; 2005, 576 p.
16. Sonders, F. S. *TsRU i mir iskusstv: kulturnyy front kholodnoy voyny* [The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters]. Moscow: Kuchkovo pole; 2014, 416 p.
17. Srnichek, N. *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism]. Moscow: Higher School of Economics; 2019, 128 p.
18. Khabermas, Yu. *Tekhnika i nauka kak «ideologiya»* [Technology and Science as «Ideology»]. Moscow: Praksis; 2007, 208 p.
19. Hayek, F. A. *Pagubnaya samonadeyannost. Oshibki sotsializma* [The Fatal Conceit. The Errors of Socialism]. Moscow: Novosti; 1992, 304 p.
20. Kharvi, D. *Sostoyanie postmoderna. Issledovanie istokov kulturnykh izmeneniy* [The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change]. Moscow: Higher School of Economics; 2021, 344 p.
21. Engels, F. *Anti-Dyuring: perevorot v nauke, proizvedennyi gospodinom Evgeniem Dyuringom* [Anti-Duhring: Revolution in Science by Mr. Eugen Duhring]. Moscow: Gospolitizdat; 1950, 376 p.
22. Bell, D. *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. Glencoe, Ill.: Free Press; 1988, 501 p.
23. Claudy, M. C., Aquino, K., Graso, M. Artificial Intelligence Can't Be Charmed: The Effects of Impartiality on Laypeople's Algorithmic Preferences. *Frontiers in Psychology*. 2022, vol. 13, art. 898027, doi: 10.3389/fpsyg.2022.898027.
24. Dean, J. *Communicative Capitalism: Circulation and the Foreclosure of Politics*. Cultural Politics. 2005, vol. 1, no. 1, pp. 51–74. doi: 10.2752/174321905778054845.
25. Gerovitch, S. *From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics*. Cambridge, MA: MIT Press; 2002, 369 p.
26. Kaluža, J. Habitual Generation of Filter Bubbles: Why is Algorithmic Personalisation Problematic for the Democratic Public Sphere? *Javnost – The Public*. 2022, vol. 29, no. 3, pp. 267–283, doi: 10.1080/13183222.2021.2003052.

27. Lorenz-Spreen, P., Oswald, L., Lewandowsky, S., Hertwig, R. A systematic review of worldwide causal and correlational evidence on digital media and democracy. *Nature Human Behaviour*. 2023, vol. 7, no. 1, pp. 74–101, doi: 10.1038/s41562-022-01460-1.
28. Lu, L., Tormala, Z. L., Duhachek, A. How AI Sources Can Increase Openness to Opposing Views. *Scientific Reports*. 2025, vol. 15, art. 17170, doi: 10.1038/s41598-025-00791-z.
29. Mills, C. W. Letter to the New Left. *New Left Review*. 1960, no. 5. Available at: <https://www.marxists.org/subject/humanism/mills-c-wright/letter-new-left.htm> (accessed: 05.01.2026).
30. Mouffe, Ch. *The Democratic Paradox*. London, New York: Verso; 2000, 154 p.
31. Pariser, E. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York: Penguin Press; 2011, 294 p.
32. Pasquale, F. *The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2015, 311 p.
33. Peters, B. *How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet*. Cambridge, MA: MIT Press; 2016, 312 p.
34. Shils, E. *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. Chicago: University of Chicago Press; 1975, 516 p.
35. Stiegler, B. *For a New Critique of Political Economy*. Cambridge: Polity Press; 2010, 158 p.
36. Strand, D. *No alternatives: The end of ideology in the 1950^s and the post-political world of the 1990^s*. Dr. Philos. Sci. Diss. Stockholm; 2016, 323 p.
37. Summers, J. H. Daniel Bell and The End of Ideology. *Dissent*. 2011, vol. 58, no. 2, pp. 80–85.
38. Varoufakis, Y. *Technofeudalism: What Killed Capitalism*. London: Bodley Head; 2023, 304 p.

Информация об авторах

Ухваков А. О. – аспирант;

Рукавишников А. И. – аспирант.

Information about the authors

Ukhvakov A. O. – postgraduate student;

Rukavishnikov A. I. – postgraduate student.

Вклад авторов

Ухваков А. О. – разработка концепции и методологии исследования, обоснование основных положений и выводов, написание исходного текста;

Рукавишников А. И. – обработка и анализ материала, доработка и научное редактирование рукописи.

Contribution of the authors

Ukhvakov A. O. – development of the research concept and methodology, substantiation of the main propositions and conclusions, writing the original text;

Rukavishnikov A. I. – processing and analysis of the material, revision and scientific editing of the manuscript.

Статья поступила в редакцию 30.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 30.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.